

нибудь череп! Хох-хох-хох!... — и, придя в ярость, бросились на улицу искать, кому бы проломить череп.

Толпой бежали они по темным ночным улицам и каждого встречного оглушали вопросом: человек или горилла? И если человек осмеливался признаться, что он человек, то оставался лежать с проломленным черепом. «Хох-хох-хох...» — дубинки и камни летели в зеркальные стекла витрин, и звон стоял над улицей.

Они вбежали на площадь, где стоял старинный музей, который являлся государственной сокровищницей замечательных произведений искусства. Через все окна и двери полезли в старинные расписанные залы гориллы и гориллоподобные коричневые люди. Прекрасные мраморные изваяния выбрасывались на улицу, топтались ногами, перекидывались от стены к стене, как камни. Гориллы срывали со стен старинные картины и рвали в клочья полотна, терзали их зубами, резали ножами, раздирали когтями и пальцами, будто желая отомстить им за всю их красоту, за всю их человечность, за всю их магическую силу.

И когда в музее остались только голые стены, которые не были сломаны только потому, что сломать их было не под силу даже разъяренным гориллам, толпа зверей бросилась через площадь к библиотеке. Как стая белых птиц заметались над площадью книжные листы. Вместе с полками, выломанными из шкафов, летели на землю толстые фолианты, свитки папирусов, тонкие брошюры, мелко испианные рукописи.

Кто-то облил их керосином, и посреди площади вспыхнул громадный костер, осветивший своим зловещим пламенем готические строения, с пустыми выбитыми окнами, с выломанными дверями, похожие на страшные черные черепа.

А в центре площади, вокруг костра, в котором корчились и обугливались бессмертные творения лучших мыслителей человечества, плясали коричневые люди, колотя себя в грудь и напевая модный фокстрот:

Оставим книжки мы, сломаем скрипки мы
И будем слушать, как бурчит живот!
Потом с ужимками, потом с улыбками
Набьем продуктами свой жадный рот!

Под утро на площадь явилась полиция. Офицер был, видимо, предупрежден, что здесь происходит предвыборная агитация. Составляя протокол, он обратился к гориллам с вопросом:

— Вы, конечно, были свидетелями, что музей и библиотека разграблены марксистами, желающими вызвать предвыборные беспорядки?

— Конечно!

— Так вам, господа, придется это подтвердить в качестве свидетелей на суде. Уж извините, ради бога, за беспокойство!

— Что вы! что вы! Ради интересов родины, мы всегда готовы! — отвечал доктор Фриц.

Но офицер наклонился к самому лицу Фрица и совершенно конфиденциально ему сказал:

— Только зачем вот вы, господа, на площади костер разожгли? Я понимаю, конечно, ночь сегодня прохладная, но, вы уж простите меня, я обязан вас оштрафовать на пять марок за несоблюдение противопожарных правил.

И вот господин Гориллиус стал членом верховного правительства. Его последователи неистовствовали от восторга. Вечером была устроена грандиозная, почти общегосударственная попойка.

Отчаянный Фриц составил текст радиопередачи, которую передали все радиостанции от имени нового члена правительства:

«Так как, став членом правительства, я шутить не стану, то сегодняшней день пусть является праздником для всех горилл и гориллоподобных. Поэтому нам, гориллам и гориллоподобным, надо веселиться. А всем людям надо сегодня печалиться. Так что пусть все те, кто будет сегодня веселиться, отберут все вино от тех, кто будет сегодня печалиться»

литься. Сегодня наш праздник, гориллушки! Это говорю вам я, ваш вожак, ваш учитель, ваш господин Гориллиус!»

Это обращение очень многим понравилось. В этот вечер были разграблены все магазины, пивные, рестораны и квартиры тех, кто не хотел примириться с горилльей властью. Вино лилось рекой. Казалось, половина города утопает в вине. А другая половина в крови. И трудно сказать, чего в эту ночь было больше пролито на землю напрасно: вина или крови.

Первое заседание нового состава правительства собралось к концу дня в громадном историческом зале. В этом зале в течение нескольких веков творилась история этой страны. Здесь подписывались мирные договоры, объявления войн, смертные приговоры и помилования. В течение многих столетий этот зал был как бы святилищем высокой политики. Здесь сидели цари и величайшие полководцы. Вдоль стен зала стояли белые гипсовые бюсты величайших людей страны.

Когда Гориллиус вошел в зал, ему не понравились эти бюсты, свидетельствующие о славной истории человечества, о богатом прошлом людей. Он пошел вдоль стены к трибуне. Проходя мимо бюста величайшего императора этой страны, он как бы случайно задел его плечом, и бюст упал на пол и рассыпался белой пылью. В невольном страхе все ахнули.

— Плохой это признак, — прошамкал один член правительства другому, — не хочет благословенный Карл видеть наше сегодняшнее заседание.

Между тем господин Гориллиус, подойдя к следующему бюсту — это был величайший национальный поэт, — скovyрнул и его. И опять грохот. И опять общий вздох и единодушное «ах» пронеслись по залу.

А Гориллиус шел дальше, неуклюже размахивая своими длинными лапами. Вслед за императором и величайшим поэтом был повержен на пол и разбит вдребезги величайший полководец. Его участь разделил и величайший философ.

Своротив еще четыре бюста, господин Гориллиус добрался до своего места и сел, окруженный своими обезьяньими и обезьяноподобными телохранителями.

Первым взял слово министр внутренних дел господин фон Мамен.

— Господа, — начал он читать по бумажке речь, к которой долго готовился. — Господа! Мы открываем первое заседание нашего правительства в его новом составе в дни, каких еще никогда не было в нашей стране. Никогда еще, господа, наша страна не знала такого порядка и покоя, как в нынешнее время. Вы все знаете, господа, что наша мудрая политика, заключающаяся в том, чтобы никому не перечить и ни во что не вмешиваться, привела к своим блестящим результатам. В результате нашей мудрой политики народ сам кое-как разобрался во всех делах и сам, своими силами, разрешил все конфликты. Все стали жить мирно и дружно, искренне желая сбросить все лишнее, чем наделила нас многовековая история человечества, и заимствовав все лучшее от наших дорогих и высокоуважаемых предков обезьян.

«Я лично, господа, не полностью разделяю убеждения господина Гориллиуса. Я, например, считаю, что даже если в моих жилах течет и не только обезьянья кровь, то я все-таки имею некоторое право на существование... Однако такие абсолютно теоретические расхождения не мешают мне видеть, что господин Гориллиус и его уважаемые последователи делают чрезвычайно полезное дело тем, что борются с марксистами и всякими людьми, которые слишком много думают, потому что наукой установлено, что чрезмерное увлечение мыслью и размышлениями подрывает устойчивость государственности. Поэтому, господа, разрешите от имени членов правительства прежнего состава выразить горячее приветствие и радужное «добро пожаловать» нашему дорогому господину Гориллиусу, который стал нашим дорогим и многоуважаемым коллегой».

Вслед за ним волей-неволей пришлось выступить господину Гориллиусу. Он начал свою речь со ссылки на предыдущего оратора.

— Хотя предыдущий оратор, министр фон Мамен, и лебезил передо мной, как муха перед аллигатором, но все-таки я должен сказать тебе, старая медуза, и вам, черепашии дети, что я был гориллой, гориллой остался и всегда буду гориллой. И сколько бы вы ни лебезили передо мной, но я буду стараться, чтобы таких вот, как вы, людишек не осталось на земном шаре. И вообще мне совсем не нужны никакие там правительства, дворцы и столицы. Я хочу жить в джунглях, вы слышите меня, жалкие тапиры? Я хочу прыгать с ветки на ветку, бегать на водопой, и вообще вы ни черта не поймете, потому что вы не гориллы, а вонючие струпя на хвосте носорога. Вот что я вам скажу, а кому это не нравится, может убираться, пока мы ему не проломили череп.

С правой стороны, где сидели гориллы и гориллоподобные, слышалось довольное урчание. Элизабет оборачивалась во все стороны, подхватывая каждое слово Гориллиуса:

— Ах, он сказал «сучьи дети», ах, он ведь прав — зачем нам правительства, дворцы и столицы? К чему? Как хорошо было бы жить в джунглях! Ах!..

На скамьях левых поднялся было шум, но господин Гориллиус быстро откинул ногой свое кресло и прыжком бросился к шумевшему. За ним бросились его приближенные и телохранители из нижнегвинейского стада.

И весь зал поднялся на ноги.

В каких-нибудь несколько минут шумевшие были перебиты. Затем была устроена поименная переключка присутствующих, и те, которые, по словам Гориллиуса, даже вопреки своему желанию не могли стать гориллами, были выгнаны из зала и заперты в тюрьмы. В историческом зале остались только одни гориллы и гориллоподобные. Зал приобрел рыжевато-коричневый оттенок. Все оставшиеся поднялись с мест и завели свой страшный, яростный рев:

Нам ничего не нужно,
Кроме крови тех, кого мы не любим,
А не любим мы никого и ничего,

Кроме вкусных плодов
И наших самок.

Переворот совершился, друг читатель.

Когда гориллы остались одни, малютка Ганс подошел и обнял Гориллиуса.

— Ну, учитель, теперь ты стал вожаком такого стада, которое тебе и не снилось. Ты теперь вожак целой страны, и надо тебе начинать писать декреты.

В это время за толстыми стенами дворца шли грабежи, погромы, убийства.. Всякому хотелось пожить за чужой счет, свести личные счеты, отомстить, захватить, отравить, — тем самым доказывая свою принадлежность к гориллам.

Первый декрет гласил:

«С сегодняшнего числа объявляю себя вожаком всего стада, с правом чинить без суда и следствия расправу со всеми людьми. Единственным средством наказания за всякие проявления человечности является растерзание с проломлением черепа..

Поручаю Гансу вести дела с границей.

Поручаю доктору Фрицу следить за тем, чтобы нигде и ни под каким видом никто не проявлял бы человечности.

Элизабет Пиккеринг объявляю верховной, неприкосновенной ни для кого самкой и вменяю в ее обязанность ежедневно в послеобеденное и предполуночное время выискивать в моей шерсти насекомых, за что ей государство ежемесячно выплачивает жалованье в размере жалованья бывших министров.

Гориллы из нижнегвинейского стада частично назначаются моей личной охраной, а частично из них составляется батальон ударной ярости, который должен служить примером для всей моей гориллоподобной армии.

*К сему приложил лапу вожак и верховный горилла,
господин Гориллиус (Хромой)».*

Второй декрет сообщал:

«Только горилля кровь благословенна. Правом занятия государственных должностей обладают лишь те из людей, которые не умеют читать и писать, не имеют никаких талантов, в чьих жилах течет не меньше 85 процентов обезьяньей крови. Для определения процента содержания обезьяньей крови будет выработана особая инструкция.

Лица с содержанием обезьяньей крови ниже 50 процентов, к которым относятся все люди, занимающиеся умственным трудом, кастрируются. Лица же с содержанием обезьяньей крови ниже 30 процентов, к которым относятся все люди, обладающие какими-либо человеческими талантами — физически уничтожаются посредством растерзания с проломлением черепа».

Третьим был подписан декрет о переустройстве страны. Он начинался так:

«Подлежат немедленному уничтожению все города, университеты, театры, школы, кинотеатры, издательства и прочие человеческие учреждения. Подлежат немедленному уничтожению все создания человеческих рук, кроме тех, которые служат для войны и нападения.

Объявляется план скорейшего превращения нашей страны в дикие и девственные джунгли. Согласно этому плану, наряду с разрушением городов проводятся грандиозные работы по заболачиванию местностей и насаждению деревьев, трав и кустов. В целях населения джунглей дикими зверями — приказываю раскрыть клетки всех зоологических садов и выпустить на волю всех содержащихся в них диких зверей.

В целях улучшения человеческой породы и наибольшего приближения ее к зверям — приказываю: раскрыть двери всех тюрем для уголовников и выпустить на волю приговоренных за убийства, грабежи, насилия, растление малолетних, кровосмешение и проч. и проч.

Я призываю горилл к тому, чтобы в кратчайший срок полностью превратить нашу страну в джунгли — это является планом-минимум. Наш план-максимум — превратить в джунгли все захваченные людишками земли».

Декреты были опубликованы и с большим энтузиазмом встречены всеми гориллами и гориллоподобными.

Все, еще чувствовавшие себя людьми, были брошены в тюрьмы и в особые лагеря или убиты. Наиболее трусливые молчали о том, что они еще чувствуют себя людьми, и старались хоть внешне напоминать горилл. Кто хотел почитать книгу, уцелевшую от обыска и уничтожения, — делал это тайком, поздно ночью, занавешивая окна. Кто хотел послушать музыку или поиграть на скрипке — уходил далеко в лес, и только убедившись, что поблизости никого нет, тихо водил смычком по струнам. А некоторые играли в кровати, под одеялом. Стоило звукам музыки достигнуть чьего-нибудь слуха, как музыканту грозило растерзание.

Гориллы власти запрещали людям любить друг друга, произносить речи, думать, учить детей чему-нибудь иному, кроме приемов борьбы. О чтении и письме и говорить не приходится. Эти проступки карались как государственное преступление.

Специальные комиссии определяли процент обезьяньей крови, текущей в жилах каждого человека. Элизабет Пиккеринг, например, удалось доказать, что еще ее бабушка страдала кретинизмом, а отец был даже неспособен окончить школу. Так же, как Элизабет, и все другие последователи горилл искали в своих предках признаки зверств и дегенеративности.

День, когда новые декреты вступили в силу, был последним днем человеческого прогресса и первым днем превращения цивилизованных стран в джунгли.

Рано утром был разрушен старинный собор, представлявший собой замечательный памятник древней архитектуры и хранилище старинных высокохудожественных фресок. Две бомбы, сброшенные с самолета, разрушили здание до фундамента.

Самолеты полетели дальше. Восторженными криками приветствовала толпа гориллоподобных разрушение консерватории. Как только одна стена здания обрушилась под действием сброшенной бомбы, в то время как туча пыли и дыма вырвалась из расколотого здания наружу, — внутрь,

на развалины, бросилась туча коричневых людей и стала доламывать то, что еще уцелело.

Пока шло разрушение города, громадная толпа горилл и гориллоподобных собралась в зоологическом саду. Ровно в полдень к воротам зверинца подъехала вереница автомобилей. Из первой машины вышел господин Гориллиус с Элизабет, малюткой Гансом и отчаянным Фрицем. Они прошли мимо клеток и взобрались на трибуну, специально приготовленную для торжества. Затем Гориллиус, который уже начал несколько привыкать к произнесению речей, коротко, но выразительно прорычал:

— Звери! Кончилась власть людей! Вы свободны! Людей вам больше бояться нечего. Пусть теперь люди боятся вас. Но остерегайтесь горилл! Вы видите, что гориллы покорили людей. Это значит, что мы являемся самыми сильными, грозными и яростными зверями на свете.

И с этими словами он дал знак прислужникам раскрывать клетки. Все люди разбежались кто куда. Не составили исключения и Элизабет с Гансом и Фрицем. Они забрались в одну из пустых клеток с табличкой «Макаки» и следили оттуда, из-за железных прутьев, за тем, как звери воспримут неожиданную свободу.

Звери же, завидев, что клетки их открыты, сначала недоверчиво прижались к прутьям, потом выскочили, и сразу же тигр остановился, изогнув спину и грозно зарычав. Лев приготовился к прыжку. Но и гориллы не зевали. Они столпились вокруг Гориллиуса, и тот прорычал:

— Будет дело, будет забава. Эй, гориллушки, обезьянушки, не подкачайте!

Затем он издал грозное воинственное рычание. С яростным ревом гориллы напали на диких зверей, и звери, после долгой неволи утратив свою былую ловкость, силу, находчивость, не смогли выдержать этой яростной битвы и в страхе разбежались, поджав хвосты, как простые собачонки или котята.

Несколько дней после этого в самых неожиданных местах люди встречали то тигра, то медведя. Столица еще не успела сравняться с землей. И странно было видеть, как по

проспекту через трамвайные пути шествовал неуклюжий медведь. У одной бедной женщины, жившей на втором этаже, жирафа стащила из открытого окна ее скромный ужин. Ночью то здесь, то там раздавался звериный рык и слышались предсмертные вопли людей.

Эти ночи были очень страшными. Люди боялись выходить из дому. Город был погружен в темноту. В темноте бродили по остаткам улиц дикие звери, выпущенные из зоологического сада, да бандиты, убийцы, насильники, выпущенные из тюрем. В воздухе пахло дымом. Отблески пожаров озаряли небо.

На этом кончается история завоевания господином Гориллиусом власти и начинается другая история, которая, собственно говоря, и составляет предмет моего описания.

Глава шестая

ДЖУНГЛИ

На всех биржах мира была паника. Рынки сбыта катастрофически сокращались. Акции целого ряда предприятий катастрофически падали. Зато росли акции военно-промышленных предприятий.

Бумаги предприятий господина Хруппа стали чуть ли не самыми ценными. На них наживались, создавая миллионные капиталы.

Паника охватывала страну за страной, континент за континентом. Паника охватывала города и села. Возникали легенды о коричневой чуме, которая воцарилась в одном из наиболее культурных государств и распространяется во все стороны.

Из страны, которая стала называться Центральными Джунглями, за границу поступали лишь самые скудные сведения.

Большинство иностранных корреспондентов не пожелали отказаться от своих человеческих предков и традиций и были изгнаны из страны. Все местные жители, умеющие хорошо писать, были сочтены непригодными для проживания в джунглях и также подверглись гонению: изгнанию — в лучшем случае, растерзанию — в худшем.

Остались в стране только такие журналисты, которые надели коричневые рубашки. Но эти существа, согласно горилльим законам, усиленно старались разучиться читать и писать.

Короче говоря, писать за границу о положении в джунглях было почти некому. Поэтому за границу проникали лишь небольшие и сухо изложенные заметки, такого, примерно, содержания:

«В долине бывшей Манбургской провинции закончено разрушение трех небольших городов, тридцати двух сел и шести больниц. Сейчас в этой долине из восемнадцати го-

родов остался только один, который подвергнется разрушению в ближайшие дни».

«Гориллоподобный, бывший господин Грохт, изобрел новый способ разбивания головы камнем. Способ этот заключается в том, что нападающий подбегает вплотную к своей жертве и не бросает камень, а просто ударяет камнем по ее голове».

«Сегодня на холме бывшего города Мейнц на Гарне закончено разрушение последнего здания — городского морга. Больше город не существует... На месте бывшего города бродят дикие звери и озверевшие люди».

Надо признаться, что эти лаконичные заметки в основном довольно верно передавали суть жизни в джунглях. Один за другим разрушались города, страна покрывалась густыми, труднопроходимыми лесами, которых никто не вырубал, не расчищал и не культивировал. На месте прежних городов отдельными стадами и стаями жили гориллы и гориллоподобные, устраивая себе логова на ветвях деревьев, питаясь плодами и свежим мясом задранных жертв.

Отдельными островками среди необъятного океана леса были сильно укрепленные форты. Эти форты занимали большую площадь и были обнесены высокими стенами. Между стенами помещались крупные военные заводы, аэродромы, танкодромы, газобежища, подземные жилища для людей, которые, не желая стать гориллами, целый день обязаны были работать у станков и машин на заводах, а ночь проводили в подземных тюремных камерах. Не было в фортах только казарм для солдат. И само понятие «солдат» в понимании горилл несколько отличалось от людского понимания.

В Джунглях каждый самец был солдатом. Единственной обязанностью каждого гориллы было — по первому требованию вожака выступить со своим стадом туда, куда ему прикажут. Весь день горилл проводил в охоте на другие живые существа. И эта охота считалась делом государственной важности, так как являлась непрерывным военным обучением и военной подготовкой всего горилльего стада.

Эта особенность расценивалась гориллами как наивысшее достижение внутренней политики и военного мастерства. В любой момент Джунгли могли выставить такую армию, численность которой равнялась всему наличному мужскому составу населения Джунглей.

Господин Гориллиус вместе с верховной самкой, бывшей Элизабет Пиккеринг, и своими ближайшими помощниками — бывшим малюткой Гансом и бывшим отчаянным Фрицем — жили в густой роще, рядом с громадным фортом, в котором помещались крупнейшие военные базы, несколько военных заводов Хруппа и громадное количество самолетов, танков, пушек с обслуживающими эти виды оружия гориллоподобными.

Квартира Гориллиуса и Элизабет помещалась на разветвлении толстой ветки старого дуба. Над веткой был сделан навес из сучьев и хвороста. Правда, Элизабет сумела украсить со свойственным ей изяществом и этот девственный уголок природы. Она умолила Гориллиуса разрешить ей сохранить из своей прежней обстановки наиболее ценные для нее вещи.

К коре дерева она прикрепила зеркало и утром гляделась в него. А вечером, когда Гориллиус возвращался с охоты, со смотров и объездов своей территории, она садилась около него, закутанная в свое обезьянье манто, приставляла к глазам черепаховый лорнет и начинала, нежно урча, выискивать насекомых в шерсти своего возлюбленного.

Иногда в холодные и дождливые дни она несколько страдала от недостатка комфорта, но зато ночи, даже самые холодные и дождливые, сторицей вознаграждали ее за спартанскую жизнь.

Малютка Ганс совсем превратился в гориллу. Он покрылся такой густой и кудлатой рыже-коричневой шерстью (рыжей от природы, коричневой от грязи), что ему теперь и не требовалось носить коричневую куртку, так он стал похож на гориллу. Отчаянный доктор Фриц перещеголял самого Гориллиуса своей звериной яростью. Он научился убивать корову одним прыжком на ее спину, а человека поджидал на ветке дерева, с размаху бросался на него свер-

ху и в одно мгновение проверенными движениями душил его.

Малютка Ганс, выполнявший функции министра иностранных дел, ненавидел иностранных послов. Они оставили в целостности свои особняки, которые теперь нелепо торчали, как башни, посреди обломков и развалин бывших городов и девственного молодого леса. Они очень любили протесты, ноты и меморандумы, которые Ганс ненавидел, так как писать и читать он старательно разучивался.

Новое правительство, созданное Гориллиусом, было по душе господину Хруппу. Оно обеспечивало ему ежегодный прирост капитала не ниже, чем на двадцать процентов. Сам он жил, конечно не в Джунглях, он жил в Париже, в прекрасном особняке на Елисейских полях.

Иногда он приезжал на родину (один, конечно, без жены), чтобы посетить свои заводы и дать инструкции своему правительству. Его заводы процветали. Заказчиком господина Хруппа было все гориллье стадо. Конкурентов у Хруппа не было. Верховный горилла чувствовал себя столь обязанным этому господину, что любого его конкурента мог съесть почти буквально и почти живьем. Так что между Хруппом и Гориллиусом поддерживались самые дружеские, даже, я бы сказал, фамильярные отношения.

Один раз господин Хрупп подъехал на своем «Паккарде» к самому жилищу Гориллиуса.

— Эй ты, там, верховный, слезай-ка! Встречай гостя! — закричал он и, чтобы было слышнее, еще два-три раза нажал грушу сирены.

Из ветвей выглянула голова Элизабет.

— Господин Хрупп? — гостеприимно спросила она своим простуженным и огрубевшим голосом. — Милости просим.

— Слишком большой милости. Как же это я к вам поднимаюсь без лифта?

— Ах, господин Хрупп, какой вы плохой сын своей родины, неужели до сих пор вы не отказались от своих человеческих привычек и все такой же изнеженный?

— Где хозяин, матушка? — спросил Хрупп, вместо того чтобы пускаться с нею в политические споры.

— Господин Гориллиус сейчас спрыгнет. Он еще потягивается.

И действительно, почти сразу же за ее словами Гориллиус спрыгнул на землю и, зевая, стал почесываться спиной о кору сучковатого ствола.

Хрупп присел на ступеньку своей машины, весело потирая пухлые ручки.

— Ну, так как же, преуспевает наше гориллье государство?

— Видишь!.. — с удовлетворением сказал Гориллиус, обводя рукою вокруг и указывая на лесные чащи.

— Так вот что, батенька, я тебе скажу, — оживленно заговорил господин Хрупп, — не кажется ли тебе, что у вас тут слишком тихо, а твое стадо готово к большим боям. С твоим-то зверством, да с яростью ты без труда можешь завоевать весь мир. Уж поверь мне! А я, тем более, слышал, что в граничащем с Джунглями государстве люди страшно завидуют твоим гориллам, и не прочь бы превратить и свою страну в джунгли. А то сейчас там прямо чорт знает что делается. Рабочие предъявляют ни весть какие требования. Сокращай им рабочий день, подавай им социальное страхование. Ну, в общем, ты этого все равно не поймешь. Так что, братец ты мой, ты бы подумал да поговорил со своими. Я уже малютке Гансу все свои соображения рассказал, что к чему. Он хоть и стал гориллой, а соображает еще, как человек. Так что я спокоен.

Господин Гориллиус почесал левой ногой правое ухо и ответил:

— Да стадо мое рвется в бой. Это ты правду говоришь. Так что если надо тебе, чтобы мы подрались — со всем удовольствием. Мы это дело в два счета обделаем.

Малютка Ганс, отчаянный Фриц и Элизабет, каждый по-своему, но все в равной мере заинтересовались идеей Хруппа и одобрили ее.

Уже вечером Элизабет шептала Гориллиусу на ухо:

— Мой горилльчик! Если несчастный жалкий человечикко Наполеон Бонапарт завоевал всю Европу, то ты можешь завоевать и Европу, и Америку, и Азию, и Африку, и

Австралию. Ты можешь стать вожаком всего мира, верховным гориллой, почти богом.

— Учитель, — уговаривал малютка Ганс, — право, было бы неплохо утереть нос всем дипломатам, захватить дорожных соседушек. Поручи мне небольшую подготовку, и я тебе устрою такую драку, что ах, пальчики оближешь.

Но отчаянный Фриц знал лучше других, что нужно сказать Гориллиусу, чтобы зажечь его.

— Учитель, — говорил он, — как много еще непролитой крови есть за границами Джунглей. Гнусной человеческой крови! О, как я ее ненавижу! О, как хорошо проломить человеческий череп, сразу кровь начинает быстрее струиться по жилам и становишься сильнее и моложе...

Ноздри Гориллиуса расширились, и он готов был сейчас же, ни на минуту не откладывая, прореветь сбор всего стада и ринуться к границе. Однако надо было подождать.

Малютка Ганс никогда не был дипломатом, но много ль требуется от гориллы дипломата? Только то же, что требуется и от всякой гориллы: минимум уважения к другим, максимум уверенности в себе, а главное — наглость, наглость и наглость.

Началось все с того, что в соседней стране, которая была намечена первой жертвой гориллы стада Центральные Джунглей, однажды ночью из клетки зверинца был кем-то выпущен старый самец гориллы. И в ту же самую ночь из тюрьмы бежал человек, известный в уголовном и судебно-психиатрическом мире под кличкой «Кровавый Джек». Кровавый Джек прославился тем, что зарезал своего отца, мать, трех сестер, жену и двух своих малышей.

Эти два случая, на первый взгляд, никаких особых международных последствий не имели. Горилла, как предполагали, убежал в лес и, возможно, попал в Центральные Джунгли. А Кровавый Джек скрывался неизвестно где, и ему приписывались все убийства, которые по стилю и методам напоминали его, так сказать, «творческую индивидуальность».

Через некоторое время в известных кругах облюбованной Гориллиусом страны стали передавать из рук в руки изящно изданный томик. На его обложке было написано:

ВЕРХОВНАЯ САМКА ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЖУНГЛЕЙ
БЫВШАЯ ЭЛИЗАБЕТ ПИККЕРИНГ.
«МОЯ ЖИЗНЬ В ДЖУНГЛЯХ».

*Издание автора.
193... год.*

Эти мемуары так тонко и красочно передавали все прелести горилльей любви, что читателю сразу же становилось ясным, почему просвещенная Элизабет стала на путь превращения в гориллу, отказалась от своего человеческого достоинства и счастливо зажила горилльей жизнью.

Элизабет рассказывала, как великий мудрец господин Гориллиус открыл ей цель жизни и как она нашла наконец свое «я» в примитивной горилльей жизни и с радостью сожгла свой дом, библиотеку, ноты и теперь живет на дереве, одетая в коричневое манто и воспитывает горилльих детенышей в зверином духе на дело дальнейшей борьбы за обезчеловечивание мира.

Эта книжонка сначала вызывала в обществе оживленные разговоры своей необычностью и экстравагантностью, затем в одной из зал столицы была устроена публичная лекция: «Мы гориллы и как мы хотим переустроить мир».

Вскоре оказалось, что в стране существует партия гориллистов, которая насчитывает двести тридцать четыре человека и одну настоящую гориллу. Председателем ее был старый самец, убежавший из зверинца, а секретарем — Кровавый Джек.

Стало известно, что двести тридцать четыре гориллоподобных обладают колоссальными средствами.

Через несколько дней гориллоподобные устроили погром в рабочем районе и утопили в реке двух старых музыкантов.

Страна обеспокоилась. Угроза превращения в джунгли стала реальной и близкой.

Правительство опубликовало специальное коммюнике, гласящее, что если партия гориллистов еще раз позволит себе устроить погром, то она будет запрещена. В ответ на это коммюнике гориллисты предъявили правительству ультиматум: если через двадцать четыре часа на улицу не будут выпущены все дикие звери, содержащиеся в зоологических садах, и все уголовные преступники, в коих течет наибольший процент обезьяньей крови, — то они, гориллисты, не отвечают за последствия.

Как это ни странно, правительство отвергло ультиматум. Но на следующий же день стало известно, что в Центральных Джунглях несколько стад горилл стянуты и здесь, у самой границы, охотятся и репетируют грозные бои. Тогда правительство не на шутку обеспокоилось и обратилось за помощью к другим странам, но было уже поздно.

Ровно в десять часов к зданию правительства подошли двести тридцать четыре члена гориллистской партии. Над ними колыхался плакат: «Присоединимся к Джунглям! Такова воля всех гориллоподобных нашей страны!»

И многим было непонятно, как это двести тридцать четыре гориллоподобных человека смогли разоружить двухсоттысячную армию, обстрелять здание правительства, занять телеграф, телефонную станцию, арсенал и вокзалы. Но это было непонятно лишь до тех пор, пока по городу не разнеслась весть, что многотысячное стадо горилл перешло границу и приближается к столице, пока над городом не появилась стая горилльих самолетов и не забухали первые бомбы.

Наутро еще одно европейское государство перестало существовать. Оно превратилось в так называемую Загорную возвышенность Центральных Джунглей.

Успех этого предприятия еще больше вскружил головы приближенным Гориллиуса. Они стали воображать, что эта первая победа горилл над иностранцами подняла их на необычайную высоту и теперь им уже обеспечено главенство над всем миром. Элизабет мечтала называться верховной

самкой мира. Отчаянный Фриц и малютка Ганс чувствовали себя самыми замечательными людьми на земном шаре.

Между тем Загорная возвышенность Центральных Джунглей стала совершать быстрый процесс гориллизации. И здесь, один за другим, разрушались города, музеи, университеты, библиотеки. Все пожелавшие остаться людьми — зверски убивались. Вся промышленность перешла в руки господина Хруща. Старый горилла-самец, убежавший из зверинца, стал теперь наместником господина Гориллиуса и быстро ликвидировал человеческую породу, превращая страну в настоящие дикие джунгли.

Празднуя победу над соседней страной, господин Гориллиус решил устроить грандиозный парад горилльих стад.

На этот парад были приглашены военные атташе и иностранные дипломаты, жившие в Джунглях. Они сидели на специально построенной трибуне, а гориллье население, не занятое на параде, разместилось на деревьях, обвесив ветви и сучья как грозди винограда.

На вершине высокого дерева появился господин Гориллиус в сопровождении своих неизменных друзей. Он встал на задние лапы и грозно зарычал. Перед ним на суку висел микрофон, и могучий голос его разносился по всему лесу, по всем джунглям, и по всему миру.

— Обезьянушки! — закричал Гориллиус. — Гориллушки, жалкие вы черепахи, раздробил бы вам слон хоботом череп! Мы одержали новую победу над жалким человеческим родом. Ширится территория Джунглей. И недалеко то время, когда все ближние и дальние страны превратятся в Джунгли. Так давайте же заведем наш воинственный рык, пусть его услышат во всем мире и поймут нашу силу и мощь!

И он первый затянул, а все гориллы и гориллоподобные подхватили уже известный нам воинственный гориллий рев. И под звуки этого яростного многоголосого рева из распахнутых ворот укрепленного форта вышли гориллы. Впереди шел батальон ударной ярости, составленный исключительно из горилл нижнегвинейского стада. Они шли на четвереньках, с оскаленными зубами, с пеной, сте-

кающей по острым клыкам, с огромными дубинками, зажатými в мохнатых кулачищах.

Вслед за ними шло стадо летчиков, стадо танкистов, артиллеристов и т. д. Эти стада состояли не из настоящих горилл, а из гориллоподобных. Они хором выкрикивали свои воинственные лозунги:

«Предоставим жалость глупым людям! Мы не умеем жалеть и в этом наша сила!»

— Крови, крови, крови! — командовали вожаки в такт шагам. — Крови, крови, крови!

Речь господина Гориллиуса и рассказы о горилльем параде облетели весь мир, вызывая все большую тревогу и опасения. И эти опасения не были совсем напрасны.

Господин Хрупп богател буквально фантастически. Он поставлял оружие и все необходимое для войны многим странам. Чем больше государств боялось горилл, тем это было выгоднее господину Хруппу, потому что тем больше заказывали ему вооружений. Чтобы сильнее разжечь взаимное недоверие, как политик дальновидный, он пожертвовал довольно крупную сумму на создание и существование международной комиссии по разоружению. Представители всех государств сидели в этой комиссии и спорили о том, кто должен разоружаться первым.

Спор этот наверное никогда и не кончился бы, если бы не нашлось одно средней руки государство, которое вдруг возвестило всему миру: «Хорошо! Мы положим почин! Мы разоружимся первыми!»

Представитель этого незадачливого государства, страшно гордый и довольный собой, проехал прямо к господину Хруппу и заявил, что его государство отказывается от всех военных заказов.

— Как? — воскликнул господин Хрупп. — Так ваше заявление в комиссии не было лишь дипломатической уловкой?

— Конечно, нет, — уверял дипломат. — Мое правительство имеет самое искреннее намерение разоружиться, чтобы нашему примеру последовали и другие державы.

охоту и маневры нескольких стад горилл, совсем как это было перед захватом Загорной возвышенности.

Между тем в зоологическом саду умерла старая больная самка — горилла по имени Матильда. Вдруг взяла да и померла: закашлялась, зачихала, задергалась и вытянулась на полу своей клетки.

— Ага! — закричали в один голос гориллисты. — Замучили обезьянку! Это выпад! Это демонстрация! Вы объявляете войну гориллам? Хорошо! Гориллы смогут отомстить вам за свою бедную сестру, павшую жертвой человеческого произвола и измученную в черной неволе.

Похороны Матильды превратились в мощную демонстрацию гориллистов. Сотни гориллоподобных людей шли за гробом, усыпанным цветами.

На кладбище были доставлены пышные венки из Джунглей. Громадный венок был прислан от имени господина Гориллиуса. На другом венке, сделанном из живых хризантем, была трогательная надпись: «Сестре по духу, от верховной самки, бывшей Элизабет Пиккеринг».

У могилы состоялся митинг. Гориллоподобные ораторы говорили:

— Матильда должна быть отомщена! Она требует мщения! Сердце гориллы и гориллоподобного не снесет такого оскорбления!

Вдруг, растолкав толпу, к импровизированной трибуне пробралась настоящая мохнатая горилла. Она вскочила на дерево, стоящее около могилы, и заревела:

— Гориллоподобные! Матильда будет отомщена! За мной, ко дворцу правительства. Гориллы стада уже перешли границу! Гориллы самолеты уже подлетают сюда! За мной! За господина Гориллиуса, за Джунгли, вперед!..

Забыв про Матильду и не засыпав могилы, все устремились к центру города. Там уже шло разрушение. Гориллы самолеты сбрасывали бомбы на университеты, музеи, больницы, правительственные здания. Гориллы самолеты сбрасывали бомбы в места наибольшего скопления людей. К небу вздымались столбы дыма, и зарево пожара освещало город необычайным багровым светом. Вскоре на окраи-

нах города раздалось страшное слово: газ... По улицам бежали бледные люди в поисках газо-убежищ. Они бежали пошатываясь и затем медленно прислонялись к стенам, судорожно закрывая руками лица, но смерть настигала их, и они оседали на панели, посиневшие с выступившей изо рта пеной.

Наступила ночь. Город был объят пламенем. Одна тревожнее другой приходили телеграммы из пограничных районов. Громадные стада горилл двигались по направлению к столице. Смятение и ужас наводил на пограничные войска батальон ударной ярости.

Так началась война, страшная и кровопролитная. Смелый народ не хотел покориться гориллам и решил защищать свою родину до последней капли крови.

Эскадрильи гориллных бомбардировщиков непрерывно бомбардировали укрепления, возведенные людьми на правом берегу реки. Но люди возводили их снова и снова.

Тогда гориллы пустили в ход свои танковые части и артиллерию. Танки двинулись к реке, сметая артиллерийским и пулеметным огнем все живое, находящееся на их пути. Они успешно форсировали реку и двинулись на окопы. Но люди выскочили из окопов и бросились навстречу танкам. Они бросали гранаты под гусеницы, засовывали горящую паклю во все отверстия, и танки не могли продвинуться вперед и даже вынуждены были отступить.

Измученные, но обрадованные хоть некоторой победой, люди приготовились к новой горилллей атаке. Но эта атака началась раньше, чем они предполагали. И началась она совсем неожиданно. Совсем с другой стороны, из густого леса, еще не занятого гориллами, раздался страшный вой и треск. Это не был грохот канонады. Это не был грохот мчащихся танков. Это не был топот лошадей и крик людей. Это был звериный яростный вой без мысли, без смысла, без значения, рвущийся изнутри и выражающий только безграничную ярость.

Громадными прыжками, с дерева на дерево, то спускаясь на землю и пробегая по ней несколько шагов, то цепившись рукой за ветку и вновь взвившись в воздух, как

неистовый ураган, как неуловимая лавина, мчалась на людей стая яростных и свирепых горилл. Они были ослеплены своей яростью и не видели ни дорог, ни рвов, ни воды. Их нес их звериный инстинкт.

Эти дьяволы не бежали по земле, а прыгали на высоту деревьев. Каждую секунду их положение в пространстве менялось. Люди открыли беспорядочный огонь, но не прошло и нескольких секунд, как гориллы обрушились в окопы на головы мужественных бойцов.

Нетрудно себе представить, как ведет себя стадо диких, обезумевших от ярости зверей, когда оно дорвется наконец до крови. Звери рвали зубами и когтями человеческое мясо, ломали их спины, руки и ноги, раздробляли головы ударами кулачищ и жадно лакали алую горячую человеческую кровь.

Гориллым танкам здесь делать было больше нечего. В окопах лежали груды сломанных костей, оторванных от раскромсанного мяса, обрывки одежды, обломки ружей и пулеметов.

А звери, предоставив шакалам доделывать их страшное дело, бросились дальше, к ближайшему городку.

Это был тихий провинциальный городок, веками погруженный в покой и невозмутимость. Сейчас город был похож на вымерший. Мужчин в этом городе не было. Все находилось на фронте. Женщины, старики и дети попрятались по домам, закрыли ставни, заперли двери на засовы и замки.

Как тайфун пронеслось стадо по пустынным улицам. Но не встретив ни одного живого существа, гориллы стали выбивать двери и окна домов, врываясь в жилища людей.

И только тогда, когда не осталось в городке ни одного бьющегося сердца, они повернули обратно и такими же стремительными прыжками помчались в глухой лес, к границе Джунглей.

Территория Джунглей расширялась. Она захватывала район за районом, и беспомощная народная армия не имела возможности приостановить наступление коричневой чумы.

Гориллы укрепились в мысли о своем всемогуществе, и наглость их возросла еще больше. Вестники джунглей появлялись то тут, то там. Уже нередко можно было встретить на улицах крупнейших городов в нейтральных странах джентльменов, расхаживающих в коричневых рубашках цвета гориллшей шерсти.

И так как единомышленники господина Хруппа предпочитали власть горилл власти народа — то, нет сомнения, дорогой читатель, что мир ожидала страшная участь.

Уже одно за другим стали рушиться и исчезать с лица земли государства, захватываемые гориллами, и в тех странах, где гориллоподобные еще не успели соорганизоваться и еще издавались газеты, люди, вставая по утрам, первым делом торопились прочесть свежие сообщения о новых областях, обращенных гориллами в первобытное состояние.

Но на этом, к счастью, и кончается история горилльею владычества и начинается другая история, которая, собственно говоря, и составляет предмет моего описания...

. . . . .

Здесь обрывается рукопись, переданная мне лейтенантом К. Последние строчки рукописи написаны торопливым, неровным почерком, свежими чернилами.

На полях имеется приписка: «Сегодня получен приказ. Гориллоподобные влекут меня и моих товарищей на Восток. Они готовятся к гигантскому прыжку, не понимая, что там их ждут клетка и смерть».

Об авторе

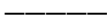
Давид Яковлевич Дар (Рывкин) родился 11 (24) октября 1910 г. в С.-Петербурге. После окончания семи классов школы работал слесарем на Балтийском судостроительном заводе и учился в Техникуме печати. С 1929 — журналист. Работал в газетах Ленинграда, Москвы, Карелии, Урала; по заданию редакций побывал в Сибири, Заполярье, на Дальнем Востоке.

Во время Второй мировой войны командовал взводом отдельного разведбатальона на Ленинградском фронте, получил тяжелое ранение в боях за «Невский пятачок» и был представлен к наградам. Первая книга, фантастическая повесть «Господин Гориллиус», вышла в свет в первые месяцы войны (подписана к печати 19 августа 1941). В 1944 г. вышла книга «Рассказы о боевых товарищах». В 1948 г. вступил в Союз писателей.

После войны Д. Дар женился на писательнице В. Пановой (его пасынком был известный в ленинградских неофициальных кругах писатель Б. Вахгин). На рубеже 1950-х гг. организовал ЛИТО при ДК Профтехобразования, которое вскоре приобрело популярность среди молодых поэтов и прозаиков; пользовался легендарной известностью в Ленинграде как наставник и покровитель неофициальных литераторов. В 1960-х гг. активно выступал в защиту А. Солженицына, И. Бродского, против засилья «социалистического реализма».

В числе опубликованных Д. Даром в СССР сочинений — две книги о К. Циолковском: «Повесть о Циолковском» (1948) и «Баллада о человеке и его крыльях» (1966). Также были изданы «Камень на камень» (1959), «Богиня Дуня» (1964); в соавторстве с А. Ельяновым (Алексеем Емельяновым) — «10 000 км на велосипедах» (1960), «Там, за поворотом» (1962), «За Кук-Карауком» (1963), «Прекрасные заботы юности» (1972); совместно с Вяч. Паперно — переработка для детей романа Г. Мелвилла «Моби Дик» (1968). Одновременно произведения Д. Дара — рассказы и краткие прозаические размышления, зачастую нарушающие все жанровые каноны — широко распространялись в самиздате.

В 1977 г. под нажимом КГБ Д. Дар эмигрировал в Израиль; перед отъездом вернул властям боевые награды и членский билет Союза писателей. В Израиле продолжал писать (в 1980 г. вышла небольшая книжка «Исповедь безответственного читателя»), участвовал в работе зарубежных русских издательств. Умер в Иерусалиме 16 сентября 1980 г. от сердечного приступа.

Повесть Д. Дара «Господин Гориллиус» публикуется по первому изданию (Л.: Советский писатель, 1941).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.